

Врачебные [секреты]

Ирина Градова

МАЛЬТИЙСКИЙ
ПАЦИЕНТ

Ирина Градова
Мальтийский пациент
Серия «Врачебные секреты»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6130185
Градова И. Мальтийский пациент : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-66373-6

Аннотация

Отправившись на международный конгресс на Мальту, кардиохирург Ульяна Логинова даже не предполагала, какие приключения ее ожидают. В отеле, где она остановилась, собрались странные и таинственные личности, отнюдь не связанные с медициной. Каждый из них, как впоследствии выяснилось, преследует собственные, не всегда законные цели. На второй день пребывания на солнечном острове Уля и ее подруга Даша обнаружили труп нового знакомого, кардиолога из Англии Джона Ридла. Доктора задушили, а весь его номер перерыли вверх дном – в нем явно что-то искали, но не нашли. И лишь «везучая» Даша заметила рядом с телом Джона старинный средневековый перстень с надписью на латыни «Огнем и мечом»...

Содержание

Пролог	4
Май, 1942 год, Мальта	10
Наши дни, Россия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Градова

Мальтийский пациент

Пролог

Апрель 1530 года, Сицилия

В распахнутое окно ворвался порыв свежего ветра, разворошив кипу бумаг, которыми был завален тяжелый дубовый стол. Вместе с ветром в комнату проникли вечерние запахи. В них смешались ароматы морской соли, цветов и свежескошенной травы. Пение птиц наполнило унылое помещение, убранством напоминающее скорее монашескую келью, нежели покои высокородного дворянина.

Пожилой мужчина в длинном белом балахоне медленно подошел к окну. Опершись обеими руками о подоконник, он с наслаждением втянул ноздрями пахнувший весной воздух. Его худое лицо, испещренное тонкими линиями морщин, хранило следы бессонных ночей. Они отпечатались и в залегших под черными глазами лиловых тенях, и в глубоких складках по обе стороны тонкогубого рта.

На Сицилию пришла весна, ознаменовав печальную реальность: орден должен покинуть гостеприимный остров в самое ближайшее время. Формально их никто не торопил, но Папа уже не раз высказывал посланникам Великого Магистра завуалированные «пожелания» скорейшего их отъезда отсюда. Да и император выражал неудовольствие по поводу неговорчивости ордена Святого Иоанна в отношении выбора новой базы. Он ведь предлагал несколько вполне приемлемых, по его мнению, вариантов, но Великий Магистр постоянно отклонял все предложения: по сравнению с цветущим Родосом с его удобными бухтами, где так удачно размещался значительный флот иоаннитов, все предложенное Карлом Пятым даже отдаленно не могло удовлетворить требования ордена!

Великий Магистр с тоской вспоминал плодородный, солнечный Родос, на котором орден достиг расцвета, и ничто, казалось, не предвещало столь неприятного финала. Их никогда не оставляли в покое то египтяне, то турки, то тунисские и алжирские пираты, но атаки незваных гостей рыцари Святого Иоанна отражали без особых потерь. И тогда, в 1522 году, когда флотилия Сулеймана, получившего у себя на родине прозвище «Великолепный», появилась у Родоса в количестве четырехсот кораблей, никто не рассчитывал на поражение. Магистра не испугало численное превосходство противника – против стосорокатысячного войска у рыцарей имелось всего четыре с половиной тысячи пехотинцев и шестьсот всадников.

Тем не менее в течение полугода им удавалось успешно сдерживать натиск турок без всякой помощи извне! Они защищали укрепления острова так, что даже сам Сулейман не мог не признать храбрости и военного умения осажденных. Он не раз предлагал рыцарям сдаться с честью и обещал пощадить их жизни, а также позволить вывезти имущество ордена. В ночь на новый, тысяча пятьсот двадцать третий год иоанниты, наконец, вынуждены были пойти на условия Сулеймана. Под предводительством Филиппа Вилльер Дель иль Адама остатки рыцарей, выживших во время осады, покидали остров Родос, служивший им пристанищем более двухсот лет. Великий Магистр помнил щемящее чувство, наполнявшее все его существо, когда он стоял на корме одного из своих судов и смотрел на удаляющийся берег. Тогда он еще не знал, что орден ожидают долгие годы скитаний и мытарств.

В мае Великий Магистр прибыл в Мессину, предоставленную ему в качестве резиденции королем Сицилии. Он оказался единственным из сильных мира сего, кто принял уча-

стие в судьбе иоаннитов. Но вскоре грянула страшная эпидемия чумы, и им пришлось перебраться в Чивитта-Веккью. Благодаря Папе Клименту Седьмому рыцари Святого Иоанна получили временное прибежище в городе Витербо в Папской области.

И вот теперь они снова должны сниматься с насиженных мест и искать счастья в месте, о котором Великий Магистр не имел ни малейшего представления. Годы отняли у него здоровье, но не лишили силы духа. Он еще хотел успеть вернуть ордену былую славу и собирался посвятить остатки своей клонящейся к закату жизни этой великой цели.

«Конечно, если будет на то воля Божья», – смиренно подумал Великий Магистр и закрыл окно. Не успел он отойти к столу, чтобы привести в порядок документы, раскиданные веселым вечерним ветром, как в дверь несмело постучали.

– Войдите! – с некоторым раздражением крикнул Магистр, так как именно сейчас он не имел желания принимать посетителей.

В кабинет вошел юный паж, один из недавно набранных поручиком ордена Арманом де Кресси. Молодой человек еще не совсем освоился в своей новой должности и испытывал перед Дель иль Адамом благоговение с примесью изрядной доли любопытства.

– Ваша светлость, – дрожащим голосом начал юноша, поклонившись, – один человек требует немедленной встречи с вами. Я сказал ему, что вы не принимаете, но он отказывается слушать и рвется сюда.

– Рвется? – приподнял бровь Великий Магистр. – Что ж, впустите его, друг мой, – посмотрим, кто это у нас настолько нетерпелив!

Юноша снова поклонился так низко, что едва не коснулся носом пола, и исчез. Затем тяжелая резная дверь распахнулась, но на этот раз широко, словно стоящий за ней человек не привык ждать и канительиться. Завидев его, Дель иль Адам изумленно всплеснул руками и воскликнул:

– Господь Всемогущий!

– Нет, ваша милость, – всего лишь я!

– Не богохульствуйте, сын мой! – поморщился старик, но его недовольство являлось показным: по всему видно, он был рад вновь прибывшему.

Вошедший склонил светловолосую голову перед Великим Магистром, а тот, приблизившись, порывисто заключил гостя в объятия.

– Аркон, – проговорил он, – какая счастливая встреча! Мне сообщили, что корабль...

– Корабль взяли на abordаж тунисские пираты, вас не обманули, мессир, – сказал посетитель. – Удалось спастись всего несколькими людям, в том числе и мне. И вот я здесь, чтобы доложить: ваше задание выполнено.

– Садитесь же, друг мой, – магистр подвел гостя к своему глубокому креслу и усадил, а сам встал напротив, внимательно вглядываясь в его загорелое до черноты, запыленное и просоленное лицо. Все говорило о том, что Аркон явился прямо с корабля, не отдохнув ни минуты. Его пшеничные волосы отросли, выгорели на солнце, и в них тускло сверкали кристаллики морской соли. Рыцарь сильно похудел, однако не утратил ореола человека, о котором ходили легенды не только в самом ордене, но и за его пределами.

– Эй, кто там! – крикнул Великий Магистр, распахивая дверь. Едва успел разогнуться юный паж, который все это время пытался подслушивать через замочную скважину. Ему не терпелось узнать, что за посетитель удостоился аудиенции у его господина, который строго-настрога запретил впускать кого бы то ни было! Великий Магистр не разгневался, вопреки ожиданиям.

– А, хорошо, что ты здесь! – сказал он. – Распорядись, чтобы принесли поесть. Да, и не забудь о вине. Мигом, юноша, не стоит медлить понапрасну!

Паж унесся выполнять приказание, а Великий Магистр вернулся в кабинет. Гость уже успел снять с себя пыльный и жесткий от морской соли верхний плащ, оставшись в тон-

кой серой накидке с вышитым белым полукрестом, и расположиться поудобнее в глубоком кресле. Дель иль Адам не мог не заметить слипающиеся глаза Аркона, но, к сожалению, он не имел возможности позволить своему эmissару отдохнуть до тех пор, пока тот не расскажет ему все, что успел узнать.

– Итак, друг мой, – заговорил магистр, усаживаясь в кресло напротив. – Что это за место?

Аркон вздохнул, размышляя, с чего начать.

– Это не то, чего мы ожидали, мессир, – произнес он наконец. – Другими словами, это – отнюдь не Родос.

– Так я и предполагал, – печально ответил Великий Магистр. – Карл и Папа пытаются всучить нам kota в мешке, и выбора у нас нет. Говори же, Аркон, ничего от меня не утаивай!

– Что ж... Это два маленьких острова в Средиземном море – Мальта и Гозо. Но, несмотря на близость к Сицилии, климат там намного хуже, чем здесь. Жаркое, сухое лето, когда на деревьях не остается ни единого листа из-за палящего зноя. Зима приносит жестокие штормы, и в это время года невозможно безопасно причалить к берегу. Острова не отличаются плодородием – там в основном скалы и песок. Тем не менее местные жители умудряются возделывать и эту бедную почву. Они выращивают дыни, арбузы и виноград. Кстати, делают неплохое вино.

– Что думает местное население по поводу решения императора? – спросил Великий Магистр упавшим голосом.

– Народу все равно, но местная знать беспокоится за свои привилегии, ваша милость. Как я ни старался, мне не удалось убедить наместника в том, что присутствие ордена несколько не ущемит их прав. Я пытался доказать ему, что иоанниты станут отличной защитой от пиратов и османов, но, похоже, не слишком преуспел. Возможно, вам следовало послать кого-то, обладающего большими дипломатическими способностями, нежели я.

– Нет-нет, – не согласился Дель иль Адам, – я мог доверить такое дело только вам, мой друг. Мне нужна правда, поэтому я отправил туда именно вас. Продолжайте!

– Ну, не все так уж печально, – проговорил Аркон. – С военной точки зрения Мальта – неплохая база. Теперешних укреплений недостаточно, но я тут кое-что набросал, с вашего позволения, – и он протянул магистру карту острова. Тот внимательно взгляделся в чертеж.

– Значит, наш флот...

– Встанет в гавань. Я думаю, там достаточно места. Кроме того, есть еще и Гозо. Правда, этот остров не так хорош, как первый, но за неимением лучшего...

Он замолк, заметив, что Великий Магистр погрузился в размышления. Наконец Дель иль Адам встрепенулся.

– У нас и в самом деле выбор невелик, – вздохнул он. – Карл дал понять, что больше ничем не поможет. Мальта и Триполи – его последнее предложение. Ему трудно охранять эти места от врагов, поэтому наше присутствие там сыграет ему на руку. Вот, прочитайте, – и магистр, взяв со стола один из свитков с тяжелой королевской печатью, протянул его Аркону.

Тот развернул свиток и прочел следующее:

– «Жалованная грамота императора Карла Пятого ордену Святого Иоанна Иерусалимского на владение островом Мальта.

Божиею милостию Мы, Карл Пятый, император Римский, всегда августейший, и проч., и проч., – выражаем благородным рыцарям Святого Иоанна Иерусалимского наше благоволение.

Дабы почтеннейший Великий Магистр и возлюбленные сыны наши, принадлежащие к помянутому ордену, по потере Родоса вынужденные скитаться, могли обрести постоянное жилище, из особенного Нашего благоволения к сему ордену Мы добровольно жалуем им сие убежище. Уступили Мы и даровали за себя и за Своих преемников на вечные времена

честнейшему Великому Магистру и ордену Святого Иоанна Иерусалимского в ленное владение город Триполи и острова Мальту и Гозо с замками, всеми землями и со всеми правами собственности и владычества на отправление верховного суда, с правом жизни и смерти над жителями любого чина и звания...» Но... – начал Аркон, отрываясь от написанного и переводя взгляд на собеседника. – Но это же и в самом деле значит, что он не оставляет нам выбора? Вы еще не дали своего согласия, а дарственная грамота уже подписана!

– Верно, сын мой, – кивнул Дель иль Адам. – Взгляните на дату, – магистр ткнул узловатым пальцем в конец пергамента.

– Датировано... январем сего года!

– Карл принял решение давно, а все эти экивоки – только для вида. На самом деле он и не собирался предлагать нам ничего стоящего! – Горечь, прозвучавшая в голосе Великого Магистра, покорила Аркона: он не привык видеть Дель иль Адама в расстроенных чувствах. Заметив смущение посланника, магистр попытался взять себя в руки.

– Тем не менее, – сказал он более спокойным тоном, – может, оно и к лучшему. В ордене беспокойно, и мы должны поскорее где-нибудь осесть, чтобы навести порядок. Видите ли, Аркон, вы слишком долго отсутствовали и, боюсь, не в курсе того, что у нас здесь творится. Члены ордена ведут себя отвратительно. Помните три основных обета, которые все мы приносим при вступлении в ряды братства?

– Послушание, целомудрие и добровольная нищета?

– Верно, – усмехнулся Дель иль Адам. – Ни один из этих постулатов более не соблюдается. Молодежь бахвалится силой и ловкостью, нередко стали случаи дуэлей среди рыцарей со смертельными исходами. И это в ту пору, когда нас со всех сторон осаждают враги! Два дня назад мне пришлось заточить в каземат трех молодых рыцарей за несанкционированный поединок, и это вызвало бурю недовольства. Не знаю, сколько еще удастся сдерживать эти горячие головы. Как видите, послушанием здесь и не пахнет! Что же касается целомудрия и нищеты, прости Господи, то тут вообще – беда. Мне доносят, что рыцари совершают набеги на близлежащие деревни, где... вот, послушай: «Грабят местных жителей, уводят скот и бесчестят всех, кто есть женского пола!» – магистр отложил свиток, выдержку из которого зачитывал Аркону. – Представьте, это я на днях получил от посланника короля Сицилии, чрезвычайно недовольного сложившейся ситуацией!

– Надо думать, – ухмыльнулся Аркон при мысли о том, как рыцари-монахи в плащах с изображением восьмиконечного креста прочесывают деревню в поисках любовных утех.

– Вы улыбаетесь! – возмутился Великий Магистр. – Но что за мнение создается об ордене у местных жителей, если наши рыцари позволяют себе подобные бесчинства? Нет, война стала бы спасением для всех нас, видит Бог! Молодежь, которой некуда приложить силу, необходимо срочно чем-то занять, поэтому я приму предложение Карла. Мы отправимся на Мальту и возьмем на себя обязательства, накладываемые дарственной грамотой Императора – будем защищать Триполи и эти два несчастных острова, как ранее защищали Иерусалим, Кипр и Родос. А коли будет на то воля Господня, мы вернемся, отвоевав наши земли у османов!

В дверь постучали. Великий Магистр уже и забыл, что отправлял юного пажа за провизией.

– Тебя только за смертью посылать, сын мой, – недовольно проворчал он, пока молодой человек раскладывал на столе еду и открывал бутылку вина. А юноша с любопытством разглядывал высокого русобородого рыцаря, сидящего напротив Дель иль Адама. Этот человек не походил на других рыцарей. Даже одежда его отличалась от принятой в ордене. Вместо черного суконного плаща с шелковым белым восьмиконечным крестом на рыцаре была серая накидка, а белый полукрест, едва заметный на этом фоне, располагался не на середине груди, как у всех членов братства, а слева. Полукресты носили члены ордена, не принявшие

монашество. Раньше паж не сталкивался с подобным обмундированием, а потому прямо-таки изнывал от любопытства. По виду незнакомца было очевидно, что он прибыл издалека и что Великий Магистр придает огромное значение встрече с ним, а иначе он бы не позволил впустить рыцаря в столь поздний час, а предложил дожидаться завтрашнего утра.

Но юноше не суждено было получить ответы на свои вопросы: все время, что он сервировал стол, нарезал хлеб и разливал вино, оба мужчины хранили молчание. Только когда он вышел, Дель иль Адам вернулся к прерванному разговору. Аркон же принялся за скромную трапезу, состоящую из козьего сыра, хлеба, оливок и вина.

– У меня тоже есть для вас новости, сын мой, – сообщил Великий Магистр. – К сожалению, не из приятных. Боюсь, недолго вам отдыхать после утомительного путешествия.

Рыцарь поднял на собеседника вопросительный взгляд, продолжая усиленно работать крепкими челюстями.

– Слышали ли вы об организации под названием «Церковь Кровавых Святых»?

– Охотники за сокровищами?

– Значит, слышали, – констатировал Дель иль Адам. – Но они не просто, как вы их назвали, «охотники за сокровищами». Эти люди мечтают собрать все реликвии и святыни, которые имеются в христианском мире и у других народов. Их, с позволения сказать, «охота» представляет немалую опасность для ордена.

– В чем же опасность, мессир? – удивился Аркон, делая добрый глоток из деревянного кубка. – Иоанниты – не самый богатый орден из ныне существующих, и всем это прекрасно известно.

– Верно, – согласился Великий Магистр. – Но и у нас имеются святыни, о которых мечтают члены «Церкви». Как, кстати, поживает Глаз Шайтана?

Аркон вытер рот рукавом и извлек из ножен клинок из сверкающей стали. Дель иль Адам даже подался вперед, чтобы получше разглядеть это чудо кузнечного мастерства. Меч являл собой новшество инженерной мысли: в основное лезвие было встроено еще одно, в центре, приводившееся в действие работой простого механизма. Противник чувствовал себя в безопасности, думая, что находится вне пределов досягаемости клинка, и подходил ближе. В этот момент хозяин меча нажимал на рычажок, и противник падал, пронзенный выскочившим с быстротой молнии узким и тонким лезвием, увеличивающим длину оружия в полтора раза.

На рукояти меча причудливо переплетались золотые и серебряные змеи, головами своими поддерживающие огромный «глаз» – невиданной красоты голубой бриллиант в обрамлении более мелких камней. Именно из-за цвета бриллианта меч и прозвали Глазом Шайтана. Османь, у которых редко встречаются светлые глаза, считают голубой глаз символом нечистой силы. Вместе с тем голубой глаз, как ни странно, еще и оберег – украшая оружие голубыми камнями, мастер хотел защитить владельца от сглаза. Великий Магистр знал, что Глаз Шайтана – не только произведение искусства. Он не раз спасал жизнь своему владельцу, и Аркон скорее согласился бы лишиться правой руки, нежели этого клинка. «Глаз» был подарен Аркону самим Сулейманом Великолепным. Великий Магистр до сих пор гадал, при каких таких обстоятельствах великий полководец решил расстаться со своим бесценным оружием и отдать его «неверному» – Аркон свято хранил эту тайну.

– Прекрасный меч, – сказал Великий Магистр, осторожно проводя рукой по острому, как бритва, лезвию. – О том, что «Глаз» у вас, знаем не только мы, Аркон.

– Вы хотите сказать, «кровавые святые» хотят его заполучить? Ну, тогда им придется потрудиться: пока я жив, «Глаза» им не видать!

– Если бы речь шла только о мече, я бы так не волновался.

– Речь о... *них*? – медленно произнес Аркон, и улыбка сползла с его лица.

Великий Магистр кивнул.

– Но как они узнали?!

– Им известно гораздо больше, нежели вы представляете, сын мой... И, уж во всяком случае, – больше, чем хотелось бы! Ваш путь теперь лежит в Венецию. Я дам вам провожатых, и вы снова добудете необходимые ордену сведения. А я меж тем начну готовить флот к отплытию на Мальту.

Великий Магистр глядел из окна на удалявшегося к воротам с прямой спиной Аркона и думал о том, что когда-то он сам был молод и полон сил. Теперь же он болен и немощен, и с каждым днем у него все меньше энергии для того, чтобы противостоять ударам судьбы, которые с завидным постоянством сыплются на орден.

Новый порыв ветра налетел и растрепал седые волосы Великого Магистра, заставив его поежиться: была уже глубокая ночь, и воздух стал прохладным. Аркон скрылся за высокими деревьями монастырского сада, и пожилой усталый мужчина в белом балахоне со вздохом закрыл окно.

Май, 1942 год, Мальта

Полковник Жубер оглядел собравшихся в его кабинете людей. Лишь двое, как и он сам, носили военные знаки отличия. Остальные шестеро были в штатском, и тем не менее всех присутствующих объединяла общая цель.

Все они много пережили с тех пор, как началась война, и долгое время им сопутствовала удача. В июне сорокового, когда Муссолини отправил свой многочисленный воздушный флот бомбить остров, они, имея лишь три истребителя, носящие имена «Вера», «Надежда» и «Милосердие», сумели уничтожить двести итальянских самолетов! И это не единственный пример мужества и самоотверженности, которые нередко показывали защитники стратегического аванпоста под названием Мальта. Те, кто сегодня собрались здесь, в немалой степени содействовали успехам антифашистской коалиции не только в Средиземноморье, но и во всей Европе.

Война разделила их. Немецкие, австрийские и итальянские братья оказались перед выбором: участвовать ли им дальше в деятельности ордена, тем самым предав свои страны, ведущие военные действия на стороне Гитлера и Муссолини, или поставить общие интересы превыше всего. Большинство склонилось ко второму, невзирая на опасность, которой отныне каждую минуту подвергались их жизни. Кардинал фон Гален, кавалер Большого Креста, возглавляет сейчас одну из групп сопротивления нацизму в Мюнстере. По понятным причинам он не смог присутствовать на этой тайной встрече, но прислал своего представителя. Шенка фон Штауфенберга не было среди присутствующих, и это наполняло сердце полковника Жубера печалью. Шенк даже не относился к членам ордена, хотя его семья имела пятисотлетнюю историю связи с его братьями. Фон Штауфенберг возглавлял заговор, целью которого было убийство Гитлера, но покушение провалилось. Фюрер казнил двенадцать немецких рыцарей ордена, чтобы показать, насколько безуспешны попытки уничтожить его и запугать тех, кого впоследствии мог вдохновить пример заговорщиков. И это – лишь малая часть потерь, которые нес орден все годы, что продолжается эта война.

Гитлер хочет во что бы то ни стало заполучить Мальту, представляющую слишком большой стратегический интерес. Самолеты Люфтваффе днем и ночью стерегут проход в Северную Африку, а Мальта стоит у них на пути. Только в январе этого года было совершено двести шестьдесят три налета на остров, а в апреле – уже двести восемьдесят три! В результате больше всех населенных пунктов пострадала Валетта, столица, где располагается и штаб-квартира ордена. Но ни постоянные бомбежки, ни угроза блокады не сломили жителей острова, получившего от самого Гитлера прозвище «непотопляемый авианосец», так как именно отсюда непрерывно взлетали истребители, наносящие непоправимый урон Люфтваффе.

Месяц назад Георг Шестой, король Великобритании, наградил народ острова за мужество Георгиевским крестом. Эта награда принадлежала им по праву. Безо всякой помощи извне, находясь в тяжелейших условиях нехватки горючего и питания, мальтийцы продолжали сопротивление и не имели намерения сдаваться на милость врагу. Полученные сегодня новости были радостными для всего населения Мальты, но плачевными для тех, кто собрался в кабинете. Именно о них Жубер должен был поведать присутствующим.

– Итак, господа, – начал полковник наконец, – я собрал вас здесь, чтобы ввести в курс произошедшего за последние двое суток. Мы потеряли два истребителя, но уничтожили шестнадцать самолетов противника.

– Учитывая соотношение сил, – вставил пожилой человек в очках, сидевший у самой двери, – счет не в нашу пользу!

– Согласен, – кивнул Жубер. – Тем не менее есть и хорошая новость: сегодня утром конвой из четырнадцати грузовых кораблей успешно миновал заслон противника и доставил на остров топливо, медикаменты и продукты питания. Так что, господа, по крайней мере, голод нам в ближайшее время не грозит!

Присутствующие радостно зашумели, но полковник прервал их громким: «Тише, господа, это еще не все!»

Разговоры смолкли, и все взгляды устремились на Жубера.

– В целом конвой благополучно достиг Мальты, – продолжал он. – Но мы потеряли одно судно...

Он прервал речь и оглядел лица присутствующих, на которых читалось напряженное ожидание.

– Мы потеряли «Санта-Марию», господа, – закончил полковник и сел.

Единый вздох, пронесшийся по помещению, сказал ему о чувствах, которые одновременно испытали собравшиеся при этом известии.

– Не может быть! – пробормотал мужчина в генеральской форме. – Как же так?

– Я не знаю подробностей, – покачал головой полковник Жубер. – На конвой было совершено нападение, хотя свидетели говорят, что оно выглядело... несколько странно.

– То есть? – спросил все тот же пожилой джентльмен в очках, который высказал замечание по поводу утраченных истребителей.

– У них создалось впечатление, что нападающие интересовались *исключительно* «Санта-Марией», причем намеревались заполучить ее в целости и сохранности!

– Но это невозможно! – вскричал джентльмен. – Это же означало бы...

– Означало бы, что они точно *знали*, что за груз перевозит «Санта-Мария», – закончил за него полковник. – Несколько кораблей получили в результате атаки незначительные повреждения, не помешавшие им продолжить путь, а появление нашего воздушного сопровождения заставило противника ретироваться. Но перед самым началом атаки «Санта-Мария» неожиданно отделилась от конвоя и взяла курс на Сицилию. Связь с кораблем установить не удалось, и никто не знает, что произошло на борту.

– Боже мой, – прошептал генерал. – И что же теперь делать?

– Ничего, – покачал головой Жубер. – Мы ничего не сможем сделать, пока идет война, сэр. Организовать поиски в данный момент не представляется возможным. Кроме того, на это потребовались бы немалые средства и такое снаряжение, которым, боюсь, мы не располагаем.

– Хорошо, – вмешался человек, сидевший напротив Жубера и до этого хранивший молчание. В его французском слышался сильный английский акцент. – Что вы предлагаете, месье?

– Мое предложение следующее: до конца боевых действий все присутствующие в этой комнате забывают о «Санта-Марии». Ни одно слово из нашей с вами беседы не должно просочиться за пределы этих стен.

– Но как же...

– Наша версия такова, – перебил говорящего полковник. – «Санта-Мария» *благополучно* пришла в порт и встала на якорь. Любому, кто захочет проверить достоверность этих сведений, я лично продемонстрирую судно. А теперь мы переходим к следующему вопросу в повестке дня.

Наши дни, Россия

Ничто не предвещало этой поездки. На самом деле я никуда бы и не поехала, если бы кто-то в Комитете по здравоохранению, просматривая список участников Международного конгресса кардиологов, вдруг не сказал:

– Что-то маловато женщин... Иностранцы не преминут на это указать, добавив, что в России процветает дискриминация по половому признаку!

Вот так в списки попала я. Как ни смешно, подействовал этому, помимо собственной воли, наш заведующий Иван Сергеевич Хлыстов. Смешно, потому что он невысокого мнения о женщинах. Точнее, он большой любитель женского пола, но считает, что женщина должна быть просто красивой, а ум ей иметь не только необязательно, но даже противопоказано – в этом случае она теряет всю свою прелесть. Женщины-врачи для Хлыстова женщинами не являются. Почему? Да потому что они – не врачи-мужчины, и этим все сказано. Женщина, в представлении нашего главврача, может быть ветеринаром, дантистом или, на худой конец, фельдшером – этим исчерпываются возможности ее скудного ума и ограниченных навыков. Женщина-хирург – еще хуже, чем женщина-врач, так как в мире нет оправдания ее существованию.

Однако это был всего лишь первый шаг: я просто получила «добро» на отправку тезисов своего доклада в международный комитет, занимающийся подготовкой конгресса. Строго говоря, оно мне не так уж и требовалось, но, сделай я это через голову начальства, не обралась бы последствий. Мое положение в больнице крепко, но незавидно: являясь единственной женщиной-кардиохирургом на отделении, я вынуждена каждый день отстаивать свое право стоять в операционной наравне с мужчинами. Мои тезисы заинтересовали международный комитет, и я, Ульяна Андреевна Логинова, получила приглашение прибыть на конгресс кардиологов, в этом году проходивший на Мальте.

Конгрессы за границей – настоящий подарок судьбы. Мало того, что на них можно пообщаться с умными людьми, научиться чему-нибудь полезному и узнать о новейших направлениях в кардиологии, так еще и достопримечательности осмотреть, а в моем случае – даже в море искупаться. Поэтому я ощущала удивительный душевный подъем на всем протяжении пятичасового полета в предвкушении чего-то нового и необычного. Вообще-то самолеты я не люблю и, едва поднявшись в воздух, с нетерпением ожидаю той минуты, когда ступлю ногами на твердую землю. Моя подруга Дашка, сидящая рядом, попала в самолет случайно. Вернее, почти случайно. Она работает на телевидении и пишет сценарии для телешоу, но работа скорее ее хобби, нежели источник дохода: моя подруга богата, почти как Пэрис Хилтон. Много раз она пыталась сманить меня вместе отдохнуть, но, во-первых, я слишком занята, а во-вторых, ее уровень дохода позволяет останавливаться в номерах люкс пятизвездочных отелей, а я, к сожалению, едва могу наскрести на три звезды, причем придется на всем экономить, даже на сувенирах. Дашка, конечно, с удовольствием заплатит за двоих, но я ни за что не согласилась бы на положение иждивенки-приживалки при богатой подруге. Зато теперь Дашке выпал шанс, и она не собиралась его упускать.

– Мы летим вместе! – заявила она, едва узнав о предстоящей поездке. – Говоришь, твой конгресс продлится четыре дня... А еще на десять дней ты возьмешь отгулы, мы доплатим и отлично отдохнем в шикарном отеле. И не вздумай возражать!

В сущности, возражать причин у меня не было – наоборот, Дашина компания пришла весьма кстати, учитывая, что я не знаю никого из участников конгресса. Комнату в отеле лучше делить с человеком, с которым успел съесть пуд соли, а не с незнакомкой, могущей оказаться невыносимой соседкой. Дашке удалось забронировать второе место в моем номере, хотя я и сомневалась, что он ей подойдет – с ее-то запросами!

На взлетно-посадочной полосе я огляделась, а потом посмотрела на Дашу. Та стояла рядом, приоткрыв рот, и на ее лице постепенно, как на свежей фотографии, проявлялось странное выражение.

– Так, – выдавила она из себя наконец. – Так...

– Что – так? – спросила я, хотя и сама знала ответ: пейзаж, открывшийся нашим взглядом, выглядел на редкость уныло – за маленькой территорией аэропорта тянулась выжженная степь, в некоторых местах она прерывалась одинокими голыми скалами, неожиданно возникающими прямо из плоской, как тарелка, земли.

– Значит, я предлагаю следующее, – пробормотала Даша, обращаясь ко мне. – Мы ждем в аэропорту следующего рейса и летим домой! Мы всегда можем купить тур в Испанию или...

– Эй, милая, ты забыла, что я тут по делу? – напомнила я.

– А-а... – печально вздохнула Даша, и мы медленно потопали к зданию аэропорта. Оно оказалось таким же маленьким, как и аэродром – всего один скромный зал с несколькими рядами сидений.

Получив багаж, мы проследовали к выходу. Там стояли гиды, держа в руках таблички с названиями отелей. Мы с Дашей огляделись в поисках таблички «Сан-Эльмо», но не обнаружили таковой. Оказалось, что еще одну группу никто не ждал. Их было семь человек, в том числе двое маленьких детей, и ни один из туристов не говорил по-английски! Дети тут же начали капризничать. За окном аэропорта, судя по термометру в зале, температура перевалила за сорок градусов. Вздохнув, я приняла решение помочь соотечественникам. Прихватив с собой здорового мужика из группы, который возмущался больше всех, я отправилась в администрацию аэропорта и объяснила ситуацию. Они попросили телефон отеля, где собирались разместиться туристы, и сами позвонили туда. Выяснилось, что прилетевших ждут, но гид-сопровождающий почему-то к рейсу не явилась. В отеле пообещали немедленно выслать микроавтобус и забрать бедолаг.

Вернувшись, я увидела Дашку, сидящую на одном из наших чемоданов. Глядя по сторонам, она задумчиво жевала сэндвич, купленный в буфете. Я пристроилась на втором чемодане и уже собиралась пригорюниться, как вдруг подошла служащая аэропорта.

– Excuse me, – начала она, – are you... – женщина взглянула в бумажку, которую держала в руке и произнесла по слогам: – Miss Lo-gi-nova and Miss A-vye-ty-syan?

– Yes, yes! – радостно завопила Дарья.

– Then, will you please proceed to the exit where your driver has been waiting for you for a long time already? (Тогда не пройти ли вам к выходу, где уже давно дожидается ваш водитель?)

– Дождется? – переспросила Дашка. – Интересно! А мы откуда должны знать, что он нас *дожидается*?

Догадавшись, я вытащила мобильник, который выключила еще перед взлетом. Включив его, я увидела надпись на экране: «Восемь пропущенных звонков»! Бедный водитель, наверное, никак не мог взять в толк, почему все туристы уже покинули здание аэропорта, а его пассажиров все нет.

Мы с вещами поспешили к выходу. Водитель стоял возле огромного черного «Ленд-ровера», нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Завидев нас, он радостно заспешил навстречу.

– Вот это я понимаю! – одобрительно кивнула Дарья, забираясь в шикарное авто. – Интересно, транспортом вас обеспечивает отель или устроители конгресса?

Дорога, по которой мы ехали, поднимая тучи пыли, была такой же унылой, как и пейзаж, открывшийся нашим взорам сразу после приземления. Однако через двадцать минут езды картина изменилась. Теперь вдоль дороги тянулись террасы, разбитые на одинаковые

по размеру квадраты и поднимающиеся к самым вершинам скал. Поинтересовавшись у водителя, я выяснила, что это – мальтийские огороды.

Наконец машина выехала на берег моря, и мы восхищенно уставились в окно. Пенные морские волны с грохотом разбивались об огромные камни, а вдаль, на фоне безмятежно-синего безоблачного неба, виднелись белые паруса яхт, бороздящих гладкую бирюзовую поверхность. По обочинам росли невысокие деревья, и в открытое окно врвался резкий запах эвкалиптов.

Любуясь морем, я и не заметила, как мы подъехали к пункту назначения. От созерцания природы меня оторвал восторженный вскрик Дарьи:

– Боже всемогущий, ты только глянь!

Перед нами возвышалось внушительное сооружение из светло-серого камня с двумя круглыми башнями и чугунной оградой. Эта ограда казалась не менее живописной, чем те, что я видела на картинках в средневековых романах. От вида захватывало дух, а машина уже въезжала в широко распахнутые ворота. Выйдя из автомобиля, я заметила несколько дорогих иномарок типа «Лексуса» и «Мерседеса», а также три новеньких, сверкающих на солнце «Харлея». Очевидно, среди постояльцев встречались лихачи, любящие гонять по извилистому серпантину острова на высокой скорости.

Здрав голову, я принялась рассматривать отель. Он и в самом деле походил на один из старинных замков, описанных в романах Вальтера Скотта или Роберта Стивенсона. Две высокие круглые башни соединялись висячим мостом, перила которого были увиты цветущими плющом и виноградом. Над парадным входом в виде большой арки красовался бронзовый герб с изображением распахнувшего пасть льва, прижимающего когтистой лапой зеленую эвкалиптовую ветвь. Из-под арки выскочили двое молодых людей в бело-зеленой униформе. Легко подхватив наши вещи, они улыбнулись, приглашая следовать за ними.

Мы попрощались с водителем и дали ему десять евро чаевых. Он принял деньги благодарно, но со спокойным достоинством. После этого мы проследовали за парнями в униформе. По обе стороны замка располагались гостиничные комплексы, построенные в том же стиле, что и главное здание. Рядом, за живой изгородью, я заметила ресторан под открытым небом. Миновав бассейн, мы вошли в левое крыло, в просторный мраморный холл. Нам навстречу поднялась элегантная дама лет пятидесяти с гвоздикой в петлице белой блузки.

– Добрый день, – поздоровалась она и лучезарно улыбнулась. – Вы приехали на конгресс?

Я подтвердила.

– Меня зовут Кристина. Всем нашим гостям полагаются сопровождающие, и я занимаюсь российской делегацией, – пояснила она. И тут же с улыбкой добавила: – Мне повезло больше других: здесь всего два человека из России, и работы не так много! Но я всегда к вашим услугам.

Дама говорила по-русски с едва заметным акцентом, и я решила, что он, должно быть, приобретенный. Впоследствии она поведала нам, что живет на Мальте с тридцати лет и редко общается с соотечественниками, так как этот отель очень дорогой.

Кристина пообещала порекомендовать места, которые следует посетить. Мы договорились встретиться после обеда, чтобы она могла рассказать об услугах, предоставляемых постояльцам отеля, и выдать программу конгресса. А пока она помогла нам зарегистрироваться и выдала ключи от двухместного номера на третьем этаже.

– Здесь все номера – класса люкс, – сказала Кристина, провожая нас до лифта. – На каждом этаже всего лишь два номера, так что вас никто не побеспокоит. Счастливо устроиться!

Мы поднялись наверх и, открыв дверь, замерли в восхищении.

– Вот это да, Улька! – воскликнула Дашка, вихрем проносясь по двум просторным смежным комнатам и возвращаясь в прихожую с сияющим лицом.

И я не могла с ней не согласиться. Высокие потолки, выкрашенные в цвет кофе с молоком стены и два балкона – по одному в каждой комнате, – с которых открывался божественный вид на море.

– Вот он, рай! – прошептала я.

К тому времени, как Дарья, закончив разбор бесчисленного шмотья, без сил повалилась на кровать, я уже приняла душ, переделалась в шлепанцы и халат и приступила к изучению содержимого холодильника.

– Что тебе принести попить? – крикнула я Дарье.

– Морфия, – раздался стон.

– Морфия нету. Есть апельсиновый сок, минеральная вода «Перье» с газом и без, кока-кола, коньяк в маленьких бутылочках и «Бейлис».

– Тащи воду, – милостиво согласилась Даша, видимо, сочтя «Перье» достойной заменой морфию. – Без газа.

Я вытащила стеклянную бутылку воды, а себе прихватила апельсиновый сок. Прежде чем тоже бухнуться на кровать, включила кондиционер на полную мощность. В комнате было дико жарко, и стенки бутылок тут же запотели.

Через полчаса я обнаружила, что Дарья блаженно спит, но сама почему-то усталости не ощущала – слишком сильным, наверное, было возбуждение от новизны. Мне редко доводится путешествовать, и за всю жизнь я побывала всего-то в трех-четырёх странах. Тихо поднявшись с постели, я на цыпочках, чтобы не потревожить Дашу, прокралась к шкафу и вытащила оттуда футболку и шорты, а также свои легкие белые сандалии без каблуков. Надев все это, я вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. До встречи с Кристиной оставалось около трех часов, но мне не терпелось отправиться на разведку, чтобы увидеть как можно больше, прежде чем погрузиться в рабочую атмосферу.

На территории отеля не оказалось ни души, словно все вокруг вымерло – видимо, виной тому была жара, упавшая на остров, словно пуховое одеяло, окутав его призрачным душным маревом. Я в одиночестве побродила по двору, обошла сад и собралась поискать выход к морю, как вдруг услышала приглушенные голоса. Раздвинув ветви кустов, я увидела, что эта часть сада выходит на парковку. Сейчас ее заполнили десятка полтора автомобилей, возле которых толпились полтора десятка мужчин. Разговор шел на французском. Мои познания в этом языке весьма ограничены, и я понимала лишь отдельные фразы. Ни один из присутствующих не походил на отдыхающего. Все они были одеты официально, что никак не вязалось с погодными условиями. Темные деловые костюмы, вероятно, доставляли мужчинам немалые неудобства, но они даже не сняли пиджаков, стоя на самом солнцепеке. Неужели это гости конгресса? Тогда почему нет женщин и почему меня не пригласили? В какой-то момент все головы повернулись в сторону арки, из-под которой вышел невысокий молодой человек. Он что-то сказал по-французски, и вся толпа двинулась за ним. Парень не повел их через парадный вход, а завернул за угол – туда, где, по моим догадкам, располагались подсобные помещения.

К пляжу спускалась массивная каменная лестница с деревянными перилами, протяженностью около трехсот метров. Там тоже не оказалось ни души, только громадные, толстые чайки время от времени с громкими криками проносились над водой, окуная в нее свои острые, как бритвы, крылья.

Погуляв по песчаному берегу, я решила вернуться другим путем. Вверх от пляжа тянулась извилистая скалистая тропинка. Дорога в гору по жаре показалась гораздо длиннее, и я остановилась передохнуть и полюбоваться видом сверху на вспаханные клетчатые поля и окружающие их скалы. Чтобы получше разглядеть, что растет на маленьких наделах, я